

В. Д. АРАКИН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОКЕАНИЙСКИХ ЯЗЫКОВ

Многочисленные острова, островные группы и архипелаги, разбросанные в юго-западной части Тихого океана, иногда именуемой Южным морем, населены народами, которые говорят на родственных языках, относящихся преимущественно к австронезийской языковой семье. Лишь небольшая часть океанийских языков — на Новой Гвинее и на прилежащих к ней островах — входит в особую группу языков, условно объединяемую под именем папуасской.

Наиболее ранние отрывочные сведения о языках Океании проникли в Европу в XVI в., что было связано с развитием мореплавания и с открытием неизвестных до того времени островов Тихого океана. Во второй половине XVIII и в начале XIX в. сведения об океанийских народах и их языках пополняются интересными описаниями больших морских путешественников западноевропейских и русских мореплавателей — голландца Я. Роггевена, француза Л. А. Бугенвиля, англичанина Дж. Кука, русских мореходов И. Ф. Крузенштерна, Ю. Ф. Лисянского, О. Е. Коцебу, Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева и Ф. П. Литке.

Мнение о генетическом родстве полинезийских и малайских языков было впервые высказано немецким натуралистом и поэтом А. фон Шамиссо (1781—1838), принимавшим участие в кругосветном плавании на русском бриге «Рюрик», под командой О. Е. Коцебу в 1815—1818 г. ¹ Наиболее ранние, хотя и краткие, сведения о грамматическом строе некоторых океанийских языков даются в труде испанского филолога Л. Эрваси-Пандуро ² и в известном многоязычном словаре, изданном Российской академией наук при активном участии акад. П. С. Палласа (1741—1811) ³.

Новым этапом в изучении океанийских языков следует считать опыт сравнительной грамматики четырех языков — маорийского, тонганского, таитянского и гавайского, опубликованный посмертно в трехтомном труде В. фон Гумбольдта (1767—1835) ⁴. Развивая мысли А. Шамиссо, В. Гумбольдт высказал мнение о том, что языки народов Мадагаскара, Малайских островов, Филиппинских островов и островов Южного моря принадлежат к одной и той же языковой семье, которую он назвал малайской ⁵. Таким образом, уже в первой половине XIX в. был установлен, в основном, состав этой весьма своеобразной в структурном отношении языковой семьи, разбросанной на колоссальном пространстве.

В 1861 г. немецкий ученый Г. фон дер Габеленц (1840—1893) высказал обоснованное мнение о том, что меланезийские языки представляют

¹ «Chamisso's Werke», IV. Tl.— Reise um die Welt. 2. Tl.— Bemerkungen und Ansichten, Berlin, s. a., стр. 49—73, 305—319.

² L. H e r v á s - y - P a n d u r o, Catalogo delle lingue conosciute e notizia delle loro affinità e diversità, Cesina, 1784.

³ «Сравнительные словари всех языков и наречий», I—IV, СПб., 1786—1791.

⁴ W. v. H u m b o l d t, Über die Kawi-Sprache auf der Insel Java..., III, Abschnitt IV — Vergleichende Grammatik der Südsee-Sprachen, Berlin, 1838, стр. 487—1028.

⁵ W. v. H u m b o l d t, указ. соч., II, Berlin, 1838, стр. 208—209.

собой особую языковую группу, входящую в состав малайско-полинезийской семьи языков ⁶.

Генетическое родство полинезийских, меланезийских и индонезийских языков было установлено без определения их исторических связей, и проблема большей или меньшей древности каждой из ветвей обширной семьи малайско-полинезийских, или, как теперь принято называть, австронезийских языков, еще ждала своего решения. В связи с этим возникло несколько точек зрения.

Исходя преимущественно из антропологических и этнографических данных, а также из анализа соответствующих языков, австрийский языковед Фр. Мюллер (1834—1898) пришел к отвергнутому в настоящее время выводу о том, что наиболее древней из трех ветвей является полинезийская ветвь, языки которой обладают наиболее простой фонологической системой и структурой слов и относительно простым грамматическим строем. Меланезийские языки, по его мнению, представляют собой следующую ступень развития, сложившуюся якобы в результате смешения некоторых полинезийских языков с папуасскими, о чем должны были свидетельствовать неполинезийские лексические элементы, обнаруживаемые в меланезийских языках. Третью, высшую ступень развития он усматривал в языках малайской (индонезийской) ветви ⁷.

Противоположную позицию занимал Р. Х. Кодрингтон ⁸. По его мнению, архаический характер меланезийских языков позволяет предположить, что именно эти языки в далеком прошлом послужили основой, из которой впоследствии развились как полинезийские, так и малайские (индонезийские) языки. Эту же точку зрения разделял и австрийский языковед В. Шмидт (1868—1954) ⁹, обосновывавший свою позицию конкретными материалами из словарного состава и грамматического строя полинезийских и меланезийских языков. Объединяя их с индонезийскими языками в одну обширную языковую семью, именно он назвал ее австронезийской.

Генетические связи полинезийских языков и языка жителей островов Фиджи были установлены голландским языковедом Х. Керном (1833—1917), который полагал, что эти языки восходят к общему предку, существовавшему самостоятельно в течение длительного времени уже после того, как он выделился из состава общеавстронезийского языка-основы ¹⁰. Эта точка зрения была поддержана и впоследствии развита американским лингвистом Дж. У. Грейсом, показавшим на основании анализа конкретного языкового материала, что языки ротума, фиджи и полинезийские до своего разделения прошли общий путь исторического развития, отдельный от других языков австронезийской семьи ¹¹.

Иной взгляд на место полинезийских и меланезийских языков в австронезийской языковой семье был высказан немецким лингвистом Ф. Н. Фин-

⁶ H. C. v. d. Gabelentz, Die melanesischen Sprachen nach ihrem grammatischen Bau und ihrer Verwandtschaft unter sich und mit den malaiisch-polynesischen Sprachen, «Abhandlungen d. philol.-hist. Classe d. K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Leipzig, III, 1861, VII, 1879.

⁷ Fr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft, II, 2, Wien, 1876—1878, стр. 2.

⁸ R. H. Codrington, The Melanesian languages, Oxford, 1885.

⁹ P. W. Schmidt, Über das Verhältniss der melanesischen Sprachen zu den polynesischen und untereinander, «Sitzungsberichte der Königl. Akademie der Wissenschaften in Wien», Philol.-hist. Kl., CXXI, 6. Abh., 1889, стр. 27—34; е р о ж е, Die sprachlichen Verhältnisse Ozeaniens in Bedeutung für die Ethnologie, «Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», XXIX, 1899.

¹⁰ H. Kern, De Fidji-taal vergeleken met hare verwanten in Indonesië, «Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen», XVI, Amsterdam, 1886.

¹¹ G. W. Grace, The position of the Polynesian languages within the Austronesian (Malayo-Polynesian) language family, Baltimore, 1959, стр. 65.

ком¹², выделившим в составе этой семьи две ветви — индонезийскую и океанийскую. Последняя, по его мнению, в свою очередь делится на меланезийскую (куда отнесены и языки Микронезии) и полинезийскую, якобы лишь сравнительно недавно обособившуюся от меланезийской в отдельную группу.

К аналогичному выводу пришел другой немецкий лингвист О. Демпвольф (ум. в 1938), занимавшийся реконструкцией фонетической системы и словарного состава австронезийского языка-основы¹³. Новообразования, которые он обнаружил в полинезийских и меланезийских языках, позволили ему сделать вывод о том, что языки этих обеих ветвей некогда возникли из единого языка-основы, которым, по его мнению, и был общемеланезийский язык, существовавший параллельно с общеиндонезийским языком. Полинезийские языки, как показывает собранный им фонетический материал, значительно отошли от своего далекого предка, сильно упростив как свою фонетическую систему, так и свой грамматический строй.

Таким образом, прежняя трехчленная классификация языков Океании на меланезийские, полинезийские и микронезийские, основанная более на географических, чем на лингвистических критериях, подверглась в XX в. резкой критике. Дж. У. Грейсу принадлежит одна из первых попыток пересмотреть существующую классификацию австронезийских языков. Он предлагает новое деление их на западную и восточную ветви. Используя новые методы исследования языков, в частности лексикостатистический метод, он вычленяет в восточной ветви девятнадцать групп¹⁴.

Дальнейшая разработка этой проблемы велась американским ученым А. Дайеном¹⁵, предложившим довольно сложную классификацию австронезийской «филии» («сверхсемьи»), в состав которой он включил малайско-полинезийскую семью и ряд языков, которые, не будучи языками этой семьи, имеют с ней общие признаки. Малайско-полинезийскую семью он подразделяет на шесть подсемей, которые в свою очередь делятся на ветви. Полинезийские языки включаются в эту схему как одна из ее ветвей, меланезийские же образуют несколько ветвей.

Сравнительно малая изученность океанийских языков сказывается на проблеме классификации океанийских языков внутри них самих. Наиболее распространенным является деление на три группы, намеченные еще Х. Уильямсом, Сп. Черчуордом и Сидни Х. Рейем¹⁶: 1) языки внутренней, или центральной, группы, куда входят языки самоанский, футуна, тонганский, увеанский, ниуэский, языки жителей островных групп Токелау и Эллис, факаофский; 2) языки внешней, или восточной, группы, куда входят маорийский, мориорийский, раротонгский, таитянский, туамотуанский, маркизский, мангаревский, рапануйский и гавайский; 3) языки западной, или окраинной, группы (так называемые outliers), языки малочисленного населения островов, лежащих в пределах распространения меланезийских языков.

¹² Fr. N. F i n c k, Die Sprachstämme des Erdkreises, Leipzig, 1909.

¹³ O. D e m p w o l f f, Vergleichende Lautlehre des austronesischen Wortschatzes, «Zeitschrift für eingeborenen Sprachen», Beiheft, 17, Berlin, 1937, стр. 165.

¹⁴ G. W. G r a c e, Subgrouping of Malayo-Polynesian: a report of tentative findings, «American anthropologist», 57, 2, pt. 1, 1955.

¹⁵ J. D y e n, The lexicostatistical classification of Malayopolynesian languages, «Language», 38, 1, 1962. См. также: G. P. M u r d o c k, Genetic classification of the Austronesian languages: A key to Oceanic cultural history, «Ethnology», III, 2, 1964.

¹⁶ H. W. W i l l i a m s, Some observations on Polynesian verbs, «Journal of the Polynesian society», 37, 1928; Sp. C h u r c h w a r d, A Samoan grammar, 2 ed., Melbourne, 1951; S. H. R a y, The Polynesian languages in Melanesia, «Anthropos», XIV—XV, 1919—1920, стр. 46—96.

Эта классификация была разработана без достаточного учета данных отдельных языков. Новые попытки были предприняты С. Элбертом¹⁷, положившим в основу своей схемы фонетические новообразования в этих языках. Его исследования подтвердили правомерность деления полинезийских языков на три группы.

Попытка пересмотра группировки полинезийских языков была предпринята А. Поли¹⁸ на основе новообразований в морфологии этих языков. По его данным, протопалинезийский язык разделился сначала на две ветви — прототонгическую, от которой образовались тонганский язык и язык ниуэ, и основную полинезийскую, которая в дальнейшем развилась

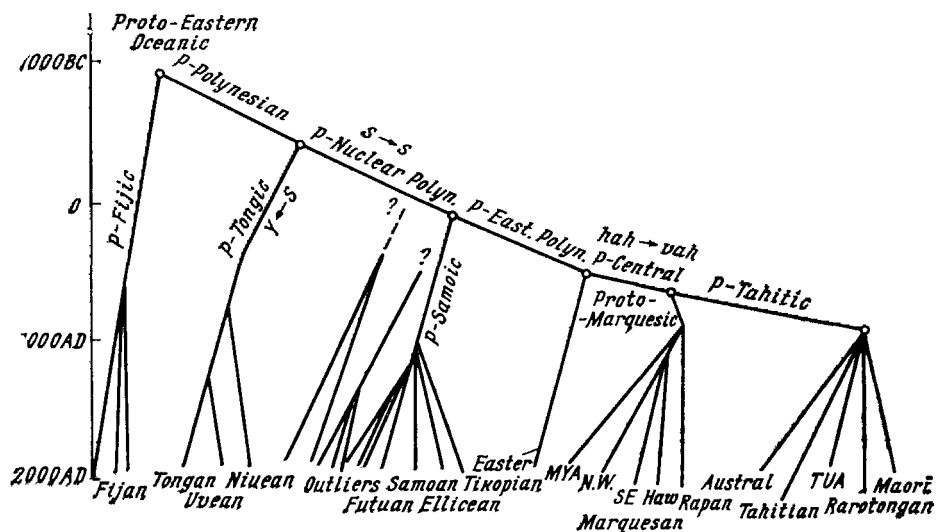

Рис. 1

в две ветви — протосамоецкую (Proto-Samoic) и восточнополинезийскую. В свою очередь протосамоецкая ветвь дала начало самоанскому, футуна, языкам островов Токелау и Тикопиа. Восточнополинезийская ветвь разделилась на языки маркисский, мангаревский, таитянский, гавайский, раротонгский, туамотуанский и маорийский. Вне классификации остались язык маэ, нукуоро, капингамаранги, футуноанива, сикайяна, пилени.

Интересную попытку воспроизвести родословное дерево полинезийских языков предложил Р. Грин¹⁹ (см. рис. 1). Согласно его схеме, протовостонокеанийский язык в начале I тыс. до н. э. распался на протофиджийский и протопалинезийский, от которого в середине I тыс. до н. э. отделился прототонгический, давший впоследствии начало трем близким языкам — тонганскому, ниуэскому и увеанскому. В I тыс. н. э. от общепалинезийского языка отделился протосамоецкий, на основе которого затем сложились языки футуанский, самоанский, тикопиа, язык островов Эллис, а также так называемые окраинные языки (outliers). С середины I тыс.

¹⁷ S. H. Elbert, Internal relationships of Polynesian languages and dialects, «Southwestern journal of anthropology», IX, 1953, стр. 147—173.

¹⁸ A. Pawley, Polynesian languages: a subgrouping based on shared innovations in morphology, «Journal of the Polynesian society», 75, 1, 1966, стр. 39—64.

¹⁹ R. Green, Linguistic subgrouping within Polynesian: The implications for prehistoric settlement, «Journal of the Polynesian society», 75, 1966, стр. 34.

н. э. начинае... период общего восточнополинезийского языка. Первым отделившимся от этого языка был язык острова Пасхи — рапануйский, затем выделился протомаркизский язык, давший начало маркизскому, мангаревскому, гавайскому языкам. Восточнополинезийский язык постепенно перерос в прототаитянский, из которого со временем образовались таитянский, туамотуанский, раротонгский и маорийский.

Значительно сложнее обстоит дело с классификацией меланезийских языков: во-первых, они менее изучены, чем языки Полинезии; во-вторых, по своему развитию они находятся на уровне племенных языков и языков народностей; в-третьих, существует ряд языков, переходных от меланезийских к папуасским языкам.

Сложность разработки классификационной схемы меланезийских языков ясно видна хотя бы из того факта, что австралийский лингвист А. Кейпелл, имевший возможность ознакомиться с этими языками на месте, на протяжении восьми лет дал два существенно отличающихся один от другого варианта: первый (1954) предполагает наличие восьми групп языков²⁰, второй (1962) ограничивается наличием пяти групп языков²¹.

Классификация языков Микронезии также пока еще не завершена. В. Шмидт, М. Леенхардт, А. Кейпелл и некоторые другие лингвисты предложили свои варианты²², однако общего согласия по этой проблеме еще не достигнуто, главным образом, вследствие недостаточной изученности этих языков и отсутствия четких лингвистических критериев распределения по группам.

Проблема классификации океанийских языков усложняется еще и тем обстоятельством, что языки, входящие в это подразделение, обслуживают этнические общности, находящиеся на различных ступенях общественного развития. Одни из них, как, например, языки самоанский, тонганский, являются языками сложившихся народностей, находящихся на пути к консолидации в нации. Другие языки — многие меланезийские и некоторые полинезийские — носят характер племенных языков. Таитянский язык совершенно явно идет по пути превращения в язык межостровного общения народов Французской Полинезии: на нем ведутся передачи по радио для всей этой территории, он является языком школьного преподавания в школах архипелага Туамоту и Тубуаи, где население говорит на местных языках.

Такое разнообразие в статусе названных языков выдвинуло новую проблему соотношения языка и диалекта в условиях Океании. Используя лексикостатистический метод, Дж. Х. Уорд²³ пришел к выводу о наличии в Полинезии следующих языков: тонганского (включая язык увеа), самоанского, маорийского, капингамаранги (на о-ве Капингамаранги в Микронезии) и особого восточнополинезийского языка, который якобы распадается на диалекты — гавайский, таитянский, туамотуанский, раротонгский, маркизский, мангаревский, язык о-ва Пасхи (рапануйский). Как можно видеть из приведенного перечня языков, предложенное Дж. Х. Уордом деление на языки и диалекты не охватывает все полинезийские языки; к тому же при этом нивелируются различия между таким

²⁰ A. Capell, A linguistic survey of the South-Western Pacific, Noumea, 1954, стр. VI.

²¹ A. Capell, Oceanic linguistics today, «Current anthropology», III, 4, 1962, стр. 380—381.

²² W. Schmidt, Austronesian languages, «Encyclopedia Britannica», 2, London, 1960, стр. 782; «Les langues du monde», par un groupe de linguistes, sous la direction de A. Meillet et M. Cohen, nouvelle ed., Paris, 1952, стр. 678; A. Capell, Oceanic linguistics today, стр. 384.

²³ J. H. Ward, Mutual intelligibility between certain Polynesian speech communities, «Oceanic linguistics», I, 1, 1962, стр. 2—3.

языком, как таитянский, который выполняет функции межостровного средства общения, языка радио и школьного преподавания, и туамотуапским или маркизским, которые заметно уступают таитянскому в коммуникативном отношении. Наконец, недостаточно ясны критерии отнесения данного средства общения к разряду языков или диалектов.

Когда исследуется какая-либо группа или семья языков, всегда возникает проблема взаимоотношений данной языковой группы с соседними языками и группами. Проблема взаимоотношений океанийских языков между собой и шире — в пределах австронезийской семьи — была рассмотрена выше.

Отношения океанийских языков к языкам, не входящим в австронезийскую семью, также давно привлекают внимание исследователей. Еще Ф. Бопп (1791—1867) сделал неудачную попытку доказать родство малайско-полинезийских языков с индоевропейскими, для чего привлекались числительные (от одного до десяти, «сто» и «тысяча»), а также некоторые существительные, обозначающие части тела, прилагательные цветообозначения и местоимения²⁴. В XX в. возник ряд гипотез о родстве полинезийских языков с языком айну²⁵, с древним шумерским языком²⁶, с языками американских индейцев²⁷ и некот. др. Все эти гипотезы, не давшие убедительных результатов, покоятся на шатких основаниях сходства, якобы имеющегося в словарном составе этих языков.

Выше мы осветили проблемы, которые связаны с определением места океанийских языков в австронезийской языковой семье и места каждого отдельного языка или группы языков внутри океанийской ветви. Перейдем теперь к проблемам структуры океанийских языков.

Одной из особенностей океанийских языков (распространяющейся, правда, и на индонезийские языки) является широко развитая полисемия слов: практически каждое слово представлено сосуществующими лексико-семантическими вариантами со значением предметности, качества, состояния, процесса и даже отношения. Конкретный лексико-семантический вариант выявляется в речевой цепи, в окружении других слов. Эта особенность слов океанийских языков оказалась одним из камней преткновения при решении проблемы частей речи. К тому же все океанийские языки обладают крайне ограниченным инвентарем словоизменительных морфем, используемых для выражения грамматических категорий. Поэтому к этим языкам оказывается невозможно приложить ту традиционную схему частей речи, которая была выработана на основе типологически совершенно иных (прежде всего — в грамматическом отношении) индоевропейских языков.

Первые авторы практических пособий по этим языкам придерживались традиционного деления на части речи, которое еще продолжают навязывать этим языкам многие современные западноевропейские авторы. Однако уже В. Гумбольдт, пораженный обилием так называемых частиц в этих языках, выделил их в особый класс слов²⁸.

Одной из первых попыток создать схему частей речи, которая в известной степени соответствовала бы строю полинезийских языков, следует

²⁴ Fr. B o p p, Über die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen mit den indo-europäischen, «Philologische und historische Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin» (1840), 1842, стр. 171—247.

²⁵ O. G j e r d m a n, Word-parallels between Ainu and other languages, «Le monde oriental», XX, fasc. 1—3, 1926.

²⁶ P. R i v e t, Sumérien et Océanien, Paris, (6. r.).

²⁷ Ed. S t u c k e n, Polynesisches Sprachgut in Amerika und in Sumer, «Mitteilungen der vorderasiatisch-ägyptischen Gesellschaft», Leipzig, 31 Jg., fasc. 2, 1926 (1927).

²⁸ W. v. H u m b o l d t, Über die Kawi-Sprache, III, Berlin, 1839, стр. 527—695.

считать предложенное американским исследователем У. Черчиллем²⁹ деление на три класса слов: 1) атрибутивы, под которыми он понимал слова, обозначающие предметы; по его мнению, из этой группы слов впоследствии выделились существительные, прилагательные, глаголы и наречия; 2) демонстративы, т. е. слова — указатели времени, места, числа и направления движения, из которых впоследствии выделились местоимения и отчасти наречия; 3) парадиктики, т. е. слова, указывающие на отношения между словами. Из них со временем выделились предлоги, союзы и частицы.

В известной мере сходную с только что приведенной схемой частей речи предложил датский лингвист Х. Йенсен³⁰. Выделяется три класса слов, которые названы: 1) слова, обозначающие понятия (*Begriffswörter*); 2) деиктические слова (*deiktische Wörter*) — односложные слова, характеризующие понятийную принадлежность слова, с которым они сочетаются; 3) слова — показатели отношений (*Beziehungswörter*), к которым он относит предлоги.

Автор грамматики самоанского языка Сп. Черчуорд выделяет такие части речи в этом языке: 1) существительные; 2) глаголы, 3) именные частицы (включая предлоги); 4) глагольные частицы; 5) союзы; 6) местоимения; 7) прилагательные (включая артикли); 8) наречия; 9) междометия³¹.

Описывая структуру различных океанийских языков, преимущественно полинезийских, представители дескриптивной лингвистики также дают схемы классов слов. Так, Б. Биггс исходит в первую очередь из классификации морфем, различая «основы» (*bases*) и «малые морфемы» (*minor morphemes*), к которым он относит частицы и аффиксы³². Положив в основу своей классификации синтаксические отношения — позицию, занимаемую морфемами по отношению к основам, и дистрибуцию основ по отношению к морфемам, он выделяет шесть классов слов: 1) существительные; 2) причастия; 3) прилагательные; 4) общие основы; 5) наречия; 6) собственно имена.

В противоположность Б. Биггсу, хотя, видимо, также исходя из синтаксических функций слов, А. Кэйпелл³³, исследовавший структуру языка маэ (язык жителей небольшого острова в Новых Гебридах), выделяет три класса слов: 1) класс имен, 2) класс глаголов (и соответственно «спутники» каждого из этих классов — неотделимые, предшествующие и последующие, и отделимые); 3) класс частиц, куда отнесены соединительные слова и междометия.

Наконец Дж. И. Бьюс³⁴ в своем описании строя раторонгского языка с позиций синтаксиса выделяет две группы частей речи: 1) «собственно слова», под которыми он понимает минимальные свободные формы слов, способные занимать место в именных и глагольных сочетаниях, и 2) частицы, союзы и т. д., которые не обладают названным свойством; всего он выделяет тринадцать формальных классов.

²⁹ W. Churchill, Root reducibility in Polynesian, «American journal of philology», 27, 4, 1906.

³⁰ H. Jensen, Sprachwissenschaftliche Abhandlungen. I. Studien zur Morphologie der polynesischen Sprachen, insbesondere des Samoanischen, Kiel, 1923.

³¹ Sp. Churchward, A Samoan grammar, Melbourne, 1951.

³² B. Biggs, The structure of New Zealand Maaori, «Anthropological linguistics», III, 3, 1961.

³³ A. Capell, The Polynesian language of Mae (Emwae), New-Hebrides, Auckland, 1962, стр. 8—9.

³⁴ J. E. Buse, Ratorongan sentence structures, «Bull. of the School of Oriental and African studies», 26, pt. 3, 1963.

В. Крупа положил в основу своей классификации частей речи в маорийском языке следующие критерии, связанные преимущественно с дистрибуцией слов в предложении, а именно с их способностью сочетаться 1) со словами, содержащими пассивный суффикс (в рамках связанной конструкции); 2) со словами, содержащими номинализирующий суффикс (в рамках связанной конструкции); 3) с определенными именными частицами; 4) с процессными частицами; 5) с пассивным суффиксом³⁵. Прилагая эти критерии к маорийскому языку, В. Крупа выделяет девять классов слов: 1) междометия; 2) именные частицы; 3) процессные частицы; 4) дополнительные частицы; 5) существительные; 6) наречия; 7) причастия; 8) прилагательные; 9) универсальные слова³⁶.

В другой своей работе В. Крупа³⁷, исходя из критерия сочетаемости с теми или иными видами частиц, предложил классификацию частей речи, содержащую четыре класса слов: 1) имена, сочетающиеся с именными частицами; 2) причастия и средние глаголы, сочетающиеся с глагольными частицами и с номинализирующим суффиксом; 3) прилагательные, сочетающиеся как с глагольными, так и с именными частицами, а также и номинализирующим суффиксом; 4) универсальные слова, сочетающиеся с теми и другими частицами и с номинализирующим и пассивным суффиксами. Наречия он относит в класс имен и рассматривает их как особый подкласс имен с ограниченной сочетаемостью.

Обе эти классификации построены по существу на использовании одного принципа — синтаксической сочетаемости — и поэтому представляются нам все же недостаточно обоснованными. Полагая, что одного какого-либо критерия при установлении частей речи вряд ли достаточно, мы предлагаем исходить из ряда признаков, характеризующих слова данного языка. Это, по нашему мнению, следующие признаки: 1) смысловая отнесенность слова к соответствующей понятийной категории (выражение предметности, процессности, качественного признака, числового значения, выражения отношения); 2) функция слова и 3) его дистрибуция в предложении; 4) словообразовательная структура слова.

Используя все четыре критерия, можно наметить в ряде полинезийских языков следующие классы, или разряды, слов³⁸:

I. Имена: а) существительные (слова — названия предметов и явлений); б) числительные (слова — названия числа); в) местоимения, заменители слов — названий и явлений.

II. Предикативы: а) предикативы действия (слова — названия действий); б) предикативы состояния (слова — названия состояния); в) предикативы качества (слова — названия качества).

III. Определители: а) именные определители; б) предикативные определители; в) предлоги.

IV. Наречия. V. Союзы. VI. Междометия.

Процессные слова образуют особую часть речи в океанийских языках — предикативы. Одной из особенностей этого класса слов в названных языках следует признать то, что предикатив, будучи нейтральным в отношении времени и вида, выражает лишь общее значение процесса, состояния или же качества, воспринимаемого как определенное состояние. Средством предикации служат особые служебные слова, предикативные определители, или, как их называют в американской литературе, гла-

³⁵ В. К р у п а, *Язык маори*, М., 1967, стр. 47.

³⁶ Там же, стр. 48.

³⁷ V. K r u p a, *Polynesian Languages*, The Hague — Paris, 1973, стр. 70—71.

³⁸ Приведенная классификация была использована в очерке одного из полинезийских языков, см.: В. Д. А р а к и н, *Самоанский язык*, М., 1973, стр. 31 и сл.

гольные частицы (verbal particles), соотносящие предикатив с тем или иным видо-временным значением. Таковы, например, *nei* «теперь; здесь» в самоанском, таитянском и гавайском языках, *ra* «тогда» в таитянском, они восходят к наречиям места и времени.

В исследованиях и описательных работах по полинезийским и меланезийским языкам нет единой точки зрения на грамматическое значение предикативов; нет ясности в вопросе о наклонениях. В трудах, принадлежащих перу европейских, американских и австралийских лингвистов, обычно говорится о временных формах глагола и о наличии ряда наклонений³⁹. Так, М. Т. Жорс находит в таитянском сослагательное и условное наклонения⁴⁰. Сп. Черчуорд намечает в самоанском пять наклонений — изъявительное, сослагательное, повелительное, неопределенное (?) и условное⁴¹.

Аналогичных взглядов придерживаются и советские исследователи А. И. Блинов и Ю. М. Лихтенберг⁴². А. И. Блинов, например, выделяет в полинезийских языках три основных наклонения — изъявительное, сослагательное и повелительное и, кроме того, повествовательное, условное, а также в тонганском языке — возможное наклонение.

Для того чтобы показать существующий разноречивый в характеристике предикативов, ограничимся одним примером. Во всех полинезийских языках существует сочетание предикатива действия с частицей *kia*, фонетически варьирующейся по языкам; оно используется для передачи значения совершенного действия или же имеющегося налицо состояния, возникшего как результат какого-либо процесса. В трудах французских ученых это сочетание именуется *Passé défini*⁴³ или *Passé composé*⁴⁴; в трудах английских и датских авторов⁴⁵, у А. И. Блинова — время прошедшее-настоящее, перфект; вид заверщенного действия⁴⁶. Наконец, В. Крупа вовсе не говорит о формах времени в языке маори; вместо этого он отмечает грамматическое значение различных процессуальных частиц (например, *e* — показатель общего времени, *kia* — перфективная частица)⁴⁷.

Подобный разноречивый свидетельствует о недостаточной изученности проблемы. Отсутствие четко выраженных морфологических признаков, которые бы характеризовали каждое из названных выше наклонений и форм времени, заставляет нас воздержаться признать их наличие в полинезийских (и, вероятно, также в меланезийских) языках и рассматривать сочетания процессных частиц с предикативами лишь с точки зрения передачи ими ряда модальных значений. Видовые формы предикативов мы предпочитаем давать в виде моделей. Например, модель *ua + P*, используется для выражения: 1) совершенного действия, результат которого ощущается в настоящее время; 2) действия в настоящем времени с предикативами

³⁹ См., например: Ch. Vernier, *Introduction à la langue tahitienne*, Paris, 1959, стр. 60 и сл.; R. J. Dordillon, *Grammaire et dictionnaire de la langue des Îles Marquises*, Paris, 1931, стр. 29 и сл.

⁴⁰ M. T. Jorss, *Le tahitien à la portée de tous*, Papeete, 1961, стр. 44.

⁴¹ Sp. Churchward, *A Samoan grammar*, 2nd ed., Melbourne, 1951, стр. 85.

⁴² А. И. Блинов, *Языки полинезийцев*, в кн.: «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 574—576; Ю. М. Лихтенберг, *Языки меланезийцев*, там же, стр. 390.

⁴³ Ch. Vernier, указ. соч., стр. 60.

⁴⁴ R. J. Dordillon, *Grammaire et dictionnaire de la langue des Îles Marquises*, Paris, 1931, стр. 29.

⁴⁵ Sp. Churchward, указ. соч., стр. 85—86, J. P. Johansen, *Character and structure of the action in Maori*, «Historisk-filologiske Meddelelser [af det Danske Videnskabernes Selskab]», 31.5, København, 1948.

⁴⁶ А. И. Блинов, указ. соч., стр. 574.

⁴⁷ В. Крупа, указ. соч., стр. 49.

II группы, обозначающими непереходное действие; 3) состояния, возникшего ранее и продолжающегося в настоящем времени ⁴⁸.

Океанийские языки обладают своеобразно дифференцированным способом выражения принадлежности. Все существительные в этих языках подразделяются в представлении говорящих на две группы. Одни существительные, которые носят название «доминантных» (они обозначают, например, часть целого, члена коллектива, семьи, а также чувства, душевные свойства и т. д.), соединяются со словом, выражающим обладателя, при помощи предлога *o* или его аллофонов. Другие существительные, которые носят название «субординативные существительные» ⁴⁹ и обозначают предметы отчуждаемой принадлежности (такие, как движимое имущество, пища, домашние животные, деятельность, осуществляемая человеком, а также детей и супругов), оформляются в тех же случаях с помощью предлога *a*.

В отношении проблемы выражения принадлежности нам представляется важным разрешить следующие вопросы: 1) определить, по каким логическим, семантическим или другим критериям происходит в этих языках разделение существительных на две группы ⁵⁰; 2) установить, наблюдаются ли совпадения в группировке существительных по отдельным языкам и группам языков.

В области исследования и описания синтаксиса океанийских языков сделано еще очень немного. Простое предложение и возможные его типы, существующие в этих языках, описаны крайне недостаточно. Лишь в последнее время исследователи полинезийских языков Б. Биггс и Дж. И. Бьюс, используя методы дескриптивной лингвистики, сделали попытку описать простое предложение в маорийском ⁵¹ и раротонгском ⁵² языках. А. Поли предложил схему описания синтаксиса самоанского языка ⁵³.

Синтаксис маорийского, раротонгского, самоанского и других полинезийских языков, кроме языков западной группы, обнаруживает большие сходства. Языки же западной группы в отношении расположения членов предложения проявляют ряд черт, сближающих их с языками соседних меланезийцев.

Еще меньше сделано в области исследования сложного предложения в океанийских языках. Нет ни одной монографической работы, где бы рассматривались типы и структура сложного предложения. Не исследованы и словосочетания, не установлены их типы — как общие для всех океанийских языков, так и характерные для тех или иных языковых групп и отдельных языков. Не изучена интонация, не начаты исследования в области фонологии и интонации этих языков.

Назовем еще одну группу проблем, а именно касающихся изучения океанийских языков в историческом аспекте. В этом отношении океанийские языки представляют собой исключительно неблагоприятный материал, так как они фактически лишены письменной традиции. Дошедшие до нас

⁴⁸ В. Д. А р а к и н, указ. соч., стр. 44—45.

⁴⁹ В. К р у п а, указ. соч., стр. 56—57.

⁵⁰ Дж. У. Грейс, например, считает, что существительные, обозначающие предметы, в отношении которых проявляется активность (изготовлены, управляются, используются кем-либо), сочетаются с предлогом *a*; существительные, обозначающие предметы, в отношении которых проявляется пассивность или которые сами оказывают влияние на кого-либо, сочетаются с предлогом *o* (G. W. G r a c e, The position of the Polynesian languages within the Austronesian language family, Baltimore, 1959, стр. 48).

⁵¹ B. B i g g s, The structure of New Zealand Maori.

⁵² J. E. B u s e, The structure of Rarotongan verbal pieces, «Bull. of the School of Oriental and African studies», 26, pt. 1, 1963; e r o ж e, The structure of Rarotongan nominal negative and conjunctival pieces, там же, 26, pt. 2, 1963; e r o ж e, Rarotongan sentence structures, там же, 26, pt. 3, 1963.

⁵³ A. P a w l e y, A scheme for describing Samoan grammar, «Te Reo», 1961, 4.

многочисленные легенды⁵⁴ не дают исторической перспективы, поскольку они представляют, в основном, язык не более двухсотлетней давности. Счастливым исключением в этом отношении является рапануйский язык, располагающий древними письменными памятниками. Язык аборигенных жителей острова Пасхи (Рапануи), лежащего на крайнем востоке полинезийского мира, рапануйский, сходен с другими полинезийскими языками, как это отметил еще Дж. Кук, посетивший остров в 1774 г. От прежде многочисленного аборигенного населения острова, насчитывавшего в XVI в. 3000—4000 человек, теперь осталось не более одной тысячи человек. Внимание ученых к острову Пасхи было привлечено сохранившимися от прошлых времен каменными статуями (о них упоминал голландец Я. Роггевен во время своего посещения этого острова в 1722 г.) и деревянными табличками со своеобразными письменами, которых местные жители уже не понимают. Последний человек, умевший их читать и знавший их назначение, умер в 1914 г. и унес с собой тайну древней письменности.

Предпринятые учеными различных стран (В. Хевеши, Венгрия; А. Метро, Франция; Б. Г. Кудрявцев, Д. А. Ольдерогге, Ю. В. Кнорозов, Н. А. Бутинов, И. К. Федорова, А. М. Кондратов, СССР) попытки расшифровать эти загадочные письмена, называемые кохау-ронго-ронго, пока не достигли цели. Правда, удалось при этом внести значительную ясность в сопряженные с дешифровкой проблемы. Так, установлено наличие параллельных текстов на двух языках на некоторых табличках; письмо определено как комбинированное идеографическое⁵⁵, в дальнейшем вопрос о его определении был пересмотрен — теперь признается иероглифический характер этого письма⁵⁶. Переведены некоторые фольклорные тексты, собранные экспедицией Т. Хейердала и записанные латинским алфавитом⁵⁷. Работа по расшифровке памятников древней письменности острова породила значительную научную литературу. Изучение загадочных письмен «ронго-ронго» продолжается. Лингвистические материалы памятников с острова Пасхи, надо думать, будут иметь большое значение для разработки истории полинезийских языков.

Сопоставительное изучение современных полинезийских и меланезийских языков, их фонологической системы, грамматического строя и словарного состава также даст некоторый материал для воссоздания истории этих языков. В этом отношении особое значение будет иметь сопоставительное исследование языка фиджи, согласно гипотезе Р. Грина, якобы отделившегося от общего протоокеанийского языка в начале I тысячелетия до н. э., языков тонганского, увеа, которые раньше других полинезийских языков выделились из протополинезийского, и, наконец, самоанского и близких к нему языков футуна и тикопиа, видимо, также ставших на путь самостоятельного развития более двух тысячелетий назад.

Длительная и кропотливая работа должна привести к разработке и составлению сравнительных грамматик отдельных генетически близких

⁵⁴ «Сказки и мифы Океании», М., 1970, стр. 464—500.

⁵⁵ Б. Г. Кудрявцев, Письменность острова Пасхи, «Сборник Музея антропологии и этнографии [АН СССР]», XI, 1949; Д. А. Ольдерогге, Параллельные тексты некоторых иероглифических таблиц с о-ва Пасхи, «Советская этнография», 1947, 4.

⁵⁶ Н. А. Бутинов, Ю. В. Кнорозов, Предварительное сообщение об изучении письменности о-ва Пасхи, «Советская этнография», 1956, 4; и х же, Новые материалы об о-ве Пасхи, там же, 1957, 6; Н. А. Бутинов, Иероглифические тексты о-ва Пасхи, «Вестник истории мировой культуры», 1959, 3; А. М. Кондратов, Машинный перевод, М., 1967, стр. 25—30.

⁵⁷ И. К. Федорова, К вопросу о характере языка текстов о-ва Пасхи, «Советская этнография», 1963, 2; е е же, О легендах, связанных с «Кохау-ронго-ронго»; е е же, Фольклорные памятники о-ва Пасхи как исторический источник. АКД, Л., 1966.

языков (тем более, что некоторое начало этому уже положено⁵⁸) с более отдаленной перспективой создания на их основе сравнительно-исторической грамматики всех языков этой большой ветви австронезийской языковой семьи.

Интерес, который начали проявлять в XIX в. ученые к Океании в целом и к океанийским языкам в частности, значительно возрос в XX в. в связи с усилившимися контактами с этим районом земного шара, борьбой океанийских народов за освобождение от колониальной зависимости и образованием самостоятельных государств в Полинезии — Западного Самоа, Тонга и др. Это нашло свое отражение в создании различных научных организаций, ставивших перед собой задачу исследования культуры и языков океанийских народов.

Еще в прошлом веке Ч. Бишоп основал музей в Гонолулу — The Bernice Pauahi Bishop Museum (назван так по имени его жены Пауахи, гавайки по происхождению). Этот музей со временем превратился в один из основных центров по изучению истории, этнографии, культуры и языков Океании; его директором в течение некоторого времени был известный исследователь полинезийской культуры и языков Те Ранги Хироа (П. Бак), автор известного труда «Мореплаватели солнечного восхода» (русский перевод — М., 1950).

В 1892 г. в Веллингтоне (Новая Зеландия) было основано Полинезийское общество, с этого же года издающее «Journal of the Polynesian society», где освещаются различные проблемы антропологии, истории, культуры и языков океанийских народов.

Исследованию языков Океании посвятило свою деятельность основанное в 1958 г. в Окленде (Новая Зеландия) Новозеландское лингвистическое общество, публикующее журнал «Te Reo» и издающее монографии по проблемам океанийского языкознания.

Проблемы истории, этнографии, культуры и языков Французской Полинезии освещаются в периодическом издании «Bulletin de la Société des études Océaniques», издаваемом Обществом по изучению Океании (основано в Папее, Таити, в 1938 г.), и в журнале «Journal de la Société des océanistes», выпускаемом Обществом океанистов в Париже с 1946 г.

Сведения библиографического и реферативного характера можно получить в журнале «Oceanic linguistics», начавшем выходить в Иллинойсе в 1962 г.

⁵⁸ См.: E. Tregear, The Maori-Polynesian comparative dictionary, Wellington, 1891; S. H. Ray, A comparative study of the Melanesian Islands languages, Cambridge, 1926